

А. В. ДРУЖИНИН

Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения

...При самом начале своей деятельности критика, охарактеризованная нами по мере слабых сил наших, встретила две важные задачи или, скорее, одну важную задачу, распадавшуюся на два обширных отдела. Она должна была сделать со старой русской критикой то самое, что должна сделать с ней самой наша теперешняя критика. Ей предстояло проверить теории и выводы старых ценителей русской словесности, зорким глазом проследить всю историю литературы нашей и назначить место каждому из первых деятелей словесности старого времени. В то же время, работая над историей периодов, уже отживших, критика сороковых годов должна была произносить свои суждения над произведениями ей современных писателей. Обе задачи, сливаясь в одну, представляли из себя труд колоссальный. Не только Карамзин и Жуковский¹, но Ломоносов² и Херасков³ еще не были основательно определены прежней критикой. Ряды усопших знаменитостей, настоящих и подложных, законных и незаконных, имели явиться перед судилищем истинного вкуса. С другой стороны, литература современная приняла могучее развитие. Пушкин сошел в могилу. Россия была полна песнями Пушкина, а между тем ни один из поклонников великого певца не имел возможности сказать, сидя над его книгой: «Я знаю и понимаю, чем и почему этот поэт меня восхищает». Богатырский талант Лермонтова пророчил отечеству будущего наследника пушкинской славы; беспредельный юмор Гоголя услаждал всю просвещенную Русь наперекор ошибочным оценкам, наперекор ложной чопорности читателя. И в то же время среди людей высоко одаренных, рядом с ними, иногда выше их, стояли писатели, может быть, трудолюбивые и почтенные, но во всяком случае далеко не подходящие к ним

по дарованию. Вкус публики, пробужденный первоклассными поэтами и прозаиками, жаждал научной и поэтической пищи. Дальнейшее развитие этого вкуса вполне зависело от той пищи, которая будет ему предложена. Извратить понятия жадного читателя весьма легко, но сызнова навести их на правду, сызнова расшевелить в нем остывшее сочувствие к искусству — есть труд почти геркулесовский. Критика сороковых годов застала русскую публику под влиянием ошибочных школ в поэзии и прозе. Даровитые поэты и прозаики переходили в манерность, увлекались мелодраматической французской литературой, портили русский язык и развивали в читателе фальшивые понятия об искусстве. Старая критика не только молчала, но даже поощряла заблуждения литераторов. Мягкость, снисходительность, скорость на похвалу — эти качества, составлявшие такую прелестную сторону в восприимчивой натуре Пушкина и друзей Пушкина, под пером людей, не столь одаренных, перешли в вялую пассивность. Принято было хвалить всех пишущих людей, за исключением Александра Анфимовича Орлова⁴, г. Сигова⁵ и Федота Кузьмичева⁶. Литератор, самый снисходительный, считал бранью ту рецензию, в которой делалось ему какое-нибудь замечание. Писателей сильных или кажущихся сильными следовало хвалить без оговорок — слабых и ничтожных талантом позволялось терзать без устали, для увеселения читателя. Следуя таким путем, словесность наша не могла прийти к результатам утешительным. Критика сороковых годов вывела ее с этой рутинной дороги — вот в чем состоит первая заслуга этой критики. Взглянем же теперь на то, каким образом она действовала на своем поприще, где она приносила несомненную пользу и где она вдавалась в слабости, не менее несомненные.

Вся историческая сторона нашей критики гоголевского периода, все ее отношения к русской литературе — от времен Кантемира до времен Пушкина — не только заслуживает великих похвал, но даже в частностях своих не подлежит хотя сколько-нибудь важному осуждению. Знатоки дела справедливо говорят, что по этой части критика не выказала глубоких сведений, что народная наша литература допетровского периода знакома ей менее, чем, например, литература старой Франции, что эрудиция ее (особенно по части литературы и журналистики Екатерининского времени) весьма и весьма поверхностна — заметки знатоков, при всей своей правде, ничего не доказывают против слов наших. Никто не вправе требовать от критики известного, весьма непродолжительного периода, периода, испол-

ненного задач и работы, полных археологических, филологических, библиографических сведений, способных по частям составить занятие целого круга ученых. Лорд Джеффри⁷ мог вовсе не знать древней великобританской поэзии и все-таки стоять в голове первого критического журнала своей родины. Лессинг⁸ имел право знать некоторые отделы своей словесности поверхностным образом и, несмотря на то, остаться Лессингом. Сила критики, подобно силе полководца, заключается прежде всего в умении действовать там, где прежде всего требуется действовать. Русская публика 1830 года могла с покойным духом ожидать разысканий о журналистах прошлого столетия, но ей пора, очень пора была иметь в руках верную оценку Ломоносова, Державина⁹, Карамзина, Фонвизина¹⁰, просветителей, на которых она была воспитана.

Без полезных, безукоризненных этюдов о древней песне и о старой русской сказке она имела возможность пробить несколько лет. Но нельзя было ей оставаться еще несколько лет при пристрастных, рутинных, лагарповских, ничтожных общих местах по поводу всей современной родной словесности. Ей уже не под лета было, основываясь на прежних приговорах, считать Хераскова нежным поэтом, Державина образцом чистого слога, Богдановича¹¹ певцом, достойным муз и граций, Сумарокова¹² великим трагиком, а Ломоносова стихотворцем по преимуществу. Русская публика жаждала речей о русской старой и новой литературе, ей было необходимо историко-критическое объяснение ее собственных впечатлений, сведений, привязанностей и антипатий. Со всем своим уважением к Державину, Озерову¹³, Ломоносову, Княжнину¹⁴ наш читатель смутно сознавал, что эти деятели не могут быть единственными питателями современного русского общества. К Жуковскому, Пушкину, Лермонтову, Грибоедову, Гоголю лежало сердце русской публики, а между тем слава этих великих писателей по учебникам и литературным преданиям не могла заменить собою славы тружеников старого классического или псевдоклассического времени. Пушкин, по отзывам тогдашних литературных судей, был милым человеком, поющим сладенькие песни, тогда как, например, Сумароков считался отцом русского театра и великим человеком. «Водопад» Державина следовало знать наизусть и читать с благоговением, а «Горе от ума» Грибоедова считалось не более как приятною шалостью. Мы не оспариваем великого дарования в Державине, мы даже готовы признавать все заслуги Сумарокова, но все-таки не видим причины, отчего бы возвеличение отживших поэтов непременно должно вести за

собой унижение писателей современных. А между тем оно так было до гоголевского периода и его критики. Живому и пишущему поэту почти ставилась в укор его поэтическая деятельность: деятельность Костровых¹⁵, Петровых¹⁶, Бобровых¹⁷ считалась вполне серьезною и почтенною. Суд публики и суд литературных Аристархов постоянно расходились во многом. Поэты современные, писатели, считавшиеся просто приятными писателями, раскупались и читались с жадностью; поэты образцовые, умершие и великие, прославлялись на словах, но творения их не шли с рук и не находились ни в чьих руках. «Есть что-то гнилое в нашей Дании», — говорит Гамлет¹⁸. Было что-то гнилое в старых наших понятиях о литературе — скажем и мы, подобно Гамлету. Нужно было разъяснить весь хаос заблуждений, предрассудков, противоречий, общих мест, о которых мы сейчас говорили. Потребно было взглянуть на всю нашу словесность с исторической точки зрения, определить значение старых писателей, отделить в их творениях все временное от вечного и всегда прекрасного. Надо было, не стесняясь никакими авторитетами, сделать оценку каждому деятелю по части русского слова и произнести над ним окончательный суд сообразно понятиям современного общества. Только подобным процессом можно было водворить порядок в литературных понятиях, дать общий тон развитию читателя и подготовить звенья нерушимой цепи, связывающей старые литературные периоды с периодом, за ними следующим.

Повторяем еще раз: в историко-критической оценке русской литературы допушкинского периода наша критика сороковых годов оказала вечную, нерушимую заслугу сей русской науке. Характеризуя, анализируя, воскрешая, ставя на свое место всех наших писателей, от Кантемира¹⁹ до Карамзина включительно, она создала ряд этюдов, великолепных по исполнению и еще более великолепных по истинам, в них заключающимся. Плодом этих этюдов вышел ясный, самостоятельный, чрезвычайно верный взгляд на ход нашей словесности, в ее различные периоды, ознаменованные деятельностью писателей, особенно важных по своему влиянию. После трудов, о которых говорим мы, хаос и путаница в истории литературных понятий навеки исчезли. История нашей словесности получила прочные основы, основы, до сей поры незыблемые. Вместо прежних сбивчивых сведений, вместо рутины, завещанной нам псевдоклассическими критиками, русский читатель увидел пред собою стройный ряд литературных деятелей, разделенных на однородные группы, оцененных и разъясненных, рассмотренных и с историче-

ской, и с современной точки зрения. И неправду сказал бы человек, который осмелился бы утверждать, что старые поэты и прозаики, от Ломоносова до Карамзина, были унижены нашей критикой, были принесены в жертву новым светилам нового русского общества. Перемещение не есть унижение, а здравая историческая критика никогда не может назваться заносчивостью молодого поколения перед старым. Одни близорукие педанты могли оскорбляться тем, что новая критика ставила Ломоносова-ученого выше Ломоносова-поэта, что она не восторгалась «Бедной Лизой» Карамзина и язык Державина ставила ниже языка пушкинского. Все эти и им подобные истины уже сознавались самим читателем — критика только дала им выражение и привела их в систему, исполнив тем долг всякой истинной и разумной критики. Поступая таким образом, она оказала услугу всему обществу, оказала услугу самим старым писателям, о которых говорится. Ломоносов, Державин, Карамзин даже с каждым годом утрачивали сочувствие современной публики именно оттого, что эта публика еще не была выучена глядеть на них с настоящей точки зрения. Наперекор панегирикам со стороны блюстителей вкуса русский читатель, особенно если он был молод и неопытен, приучался скучать над старыми, образцовыми поэтами и прозаиками. Повесть Карамзина, трагедия Озерова, не давали ему того наслаждения, к которому он привык, читая Пушкина, Грибоедова и Жуковского; оттого Карамзин, Озеров и Державин поступали на отдаленные полки библиотек, а имена их, вопреки преданиям, уже не были дороги для читателя. Чуть эти самые деятели снова явились перед ним в историческом порядке, в полном величии своего времени и своей почтенной деятельности, точка зрения изменилась. Величие современников перестало вредить славе учителей и предшественников. При помощи даровитого объяснителя любитель поэзии снова нашел возможность помириться со старыми формами старых поэтов, мало того: под этими устарелыми формами различить дух чистой поэзии и мысли, высокий по своему благородству...

